

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета
о диссертации **Бровца Андрея Игоревича**
на тему: «**Дешифровальные стимулы как средство формирования эквивалентностных отношений сложносокращённого слова**»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Перед нами – **безусловно актуальная и редкая тема**, особенно для сегодняшней русистики; следует признать, что новаторских работ (в широком смысле) по словообразованию в современной исследовательской литературе совсем немного.

Однако **актуальность и новизна** представленного к рассмотрению диссертационного сочинения состоит не только в этом. В центре внимания Андрея Игоревича Бровца – аббревиатуры различных типов, имеющие различную онтологию, различную «словообразовательную судьбу». Важно заметить, что значительная их часть – это новейшие образования, мощным потоком захлестнувшие современную речь, причем не только деловую, в которой аббревиатура – плоть от плоти «своя», но и устную, а еще больше – устно-письменную, т.е. интернет-речь. Не обделяется вниманием и социальная функция ряда аббревиатур – их мобильность и профессиональная узнаваемость, закреплённость и терминологическая прагматика, что в конкретном узусе всегда создает условия для идентификации говорящего по шкале «свой – чужой». Все это ценно и чрезвычайно важно.

Я увидела (во многих отношениях) оригинальную попытку представить аббревиатуру как бы в двух проекциях – от языка, который трудолюбиво, из века в век, по опробованным своим законам ее и создает, и – от человека, эту аббревиатуру толкующего, причем в роли «человека толкующего» выступает как ученый-лингвист с набором стереотипных моделей «дешифровальных стимулов», так и обобщенный «носитель языка», способный дополнить этот набор своим перечнем возможных дешифровок. Включение в сугубо лингвистический анализ очевидных фактов метаязыковой рефлексии

«рядового потребителя» аббревиатуры, систематизация «живых» мотивировок при семантическом разворачивании сокращения – все это очень, на мой взгляд, привлекательно, а в научном смысле еще и перспективно. «Наивная лингвистика» (по Н. Д. Арутюновой) и «чувствование языка» (по И. А. Бодуэну де Куртенэ) – поле для рассуждений о внутренней форме языка (по В. фон Гумбольдту) широчайшее. При этом еще и ответственное. Андрей Игоревич довольно часто обращается к «языковым способностям» и «речевым ожиданиям», а также «когнитивным усилиям» абстрактной личности носителя языка, характеризуя их подчас довольно уверенно и однозначно, что невольно вызывает вопрос об источнике такой уверенности (с. 26, 30, 33 и т.д.). Например: «Включенные симулянты используются тогда, когда носителем языка <...> выбирается один из предсказуемых, но семантически не оправданных дешифровальных стимулов» (с. 60)¹. Или: «Такой подход является менее информативным для носителя языка» (с. 33)².

А. И. Бровец ясно дает понять, что работает в синхронном аспекте, поэтому раздел «Синхронная аббревиация...» (с. 33 и далее) является центральным: в нем как раз и задается выбранный вектор исследования, синхронный (несколько категорично, на мой вкус, противопоставленный «традиционному», диахронному взгляду на аббревиатуру, что ощущается и во введении (с. 6), хотя одно без другого немислимо), здесь же определяется инструментарий исследования, вводится новая терминология в теорию аббревиации.

Однако остается за кадром ключевой и давний дискуссионный вопрос для аббревиатуры как феномена лексической системы языка: аббревиация – это результат мофрологического или семантического словообразования? Буквенная аббревиация – прежде всего? Это важно, поскольку в работе рассматриваются и критерии вторично мотивированного знака

¹ Почти дословный повтор этого тезиса находим на с. 90.

² В данном случае отсылка к мнени. Г.А. Складневской вопроса не отменяет.

(идиоматизация), и критерии морфологического свойства сложносокращенного слова (компрессия предложно-падежной формы, например). Поиски мотивировочного исходного словосочетания и рассуждения о стереотипности / нестереотипности, когнитивной легкости или сложности той или иной дешифровки – при решении этого вопроса могут быть выстроены, на мой взгляд, более строго.

Понятно, что многое в терминологическом оснащении работы (центральный термин «дешифровальный стимул», «гнездо эквивалентности», «симультантные стимулы» и др.) – служит главной практической задаче диссертационного исследования – созданию полного комплексного словаря современных аббревиатур, в составлении и разработке которого активно участвует наш соискатель. Это чрезвычайно важный момент, который следует отметить особенно и всячески приветствовать – не каждая кандидатская диссертация уже имеет столь выразительный и практически осязаемый результат. И все-таки ряд терминов вызывает вопросы, что часто происходит с новой терминологией вообще. Понимаю, что это уже принятая в Лаборатории Донецкого университета терминология, причем инициированная научным руководителем нашего соискателя проф. В. И. Теркуловым, тем не менее, хочется узнать мнение самого Андрея Игоревича. В чем Вы видите, например, предпочтительность термина «симультантность» относительно традиционного понятия одновременности или параллельности сосуществования двух содержательно близких вариантов дешифровок одной аббревиатуры?

И по поводу основного термина работы. Почему «регулярная стереотипная модель расшифровки» (с. 35) называется «дешифровальным стимулом». В чем же проявляется *стимульность* «регулярной модели», если стимул – это прежде всего ‘побудительная причина’? Тем более что берется синхронный срез бытования аббревиатуры, при котором, как неоднократно говорится, не столь важна историческая мотивировка аббревиатуры, ее

«исходная этимология», и «дешифровальный стимул» — есть уже состоявшийся результат ее современной трактовки.

С этими вопросами, а также с желанием все-таки прояснить неоднократно манифестируемый тезис о возможности синхронного анализа аббревиатуры без исторического на нее взгляда, — связано следующее мое рассуждение о неоднократно заявляемой идиоматичности того или иного знака.

На с. 30–31 читаем: «Иногда эти лексемы — сокращения или универбаты — подвергаются идиоматизации; в этом случае для понимания их значения недостаточно приведения эквивалентных словосочетаний. Например, сложносокращённое слово бронерукав (бронированный рукав, броневой рукав) в реальности не обозначает предмет одежды, как это может показаться на первый взгляд — по аналогии с бронекостюм, бронезилет, бронешлем и т.д. Бронерукав — это 'трубопровод гибкой структуры, изготавливаемый, как правило, из оцинкованной стали, характеризующийся высокой ударопрочностью и огнестойкостью».

Для начала напомню справедливое и давнее замечание Д. И. Алексеева о том, что «аббревиатура не рассчитана на передачу всей информации, содержащейся в многословном описательном исходном наименовании, она предусматривает обобщение исходной информации и ее интеграцию (сжатие)»³. И далее. Во-первых, хочется заметить «на полях», что всякое слово (и это один из базовых его критериев) идиоматично. Здесь же — вторичная или даже третичная мотивировка, на современном этапе воспринимаемая безусловно фразеологично. Чтобы не вводить «носителя языка» в сомнение по поводу логичности и оправданности этой словообразовательной модели, видимо, следует сказать, что это явный результат цепочки переносов, которую пошагово восстановить, конечно, сложно, но которая и приводит к словообразовательной омонимии, о чем специального разговора в диссертации я не обнаружила, а жаль. С другой

³ Алексеев Д.И. О месте аббревиации в системе...., Куйбышев, 1974. С. 23.

стороны, совершенно очевидно, что такие фразеологические структуры, как правило, являются результатом творческой языковой переработки профессиональных, первоначально даже жаргонных наименований: *плитоносец* ('вид бронезилета, чехол со вставленными бронеплитами')⁴, *крендебубен* ('сложный участок порога у водных туристов')⁵; *фуфружье* ('сторож в фуфайке') и под.

Повторюсь, работа перед нами интересная и многоаспектная, как следствие, и вопросов к диссертанту немало, что совершенно понятно – беспроblemное неглубокое исследование, как правило, остается, просто скучно принятым. Позволю себе несколько вопросов частного порядка, из любопытства – в том числе.

1. Известно и часто цитируется высказывание В. Н. Турбина о том, что «аббревиатура – одна из разновидностей казни слова»⁶. Имеется в виду ее часто выхолащенная внутренняя форма и как раз размытость исходной мотивировки. Как бы Вы прокомментировали этот тезис.

2. Думается, *наведение на семантическую резкость* – вот принцип дешифровального стимула в Вашем изложении, однако адекватность того или иного толкования, безусловно, во многом зависит от адресата толкования и его ожиданий. Насколько важна прагматическая составляющая той или иной дешифровки, которую Вы берете в расчет при интерпретации конкретного толкования по шкале «адекватность – неадекватность», «достаточность – недостаточность»?

3. На с. 3 Вы заявляете о том, что «цель синхронного анализа – установление всех словосочетаний, мотивационно связанных со сложносокращённым словом и употребляемых вместе с ним или параллельно с ним в текстах». О каких текстах, в которых параллельно с аббревиатурой употреблялись бы все словосочетания, мотивационно с ней связанные, идет

⁴ Викисловарь /

<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86>

⁵ Словарь спортивного жаргона / Сост. В. Б. Орлов. X-M., 2014. С. 49.

⁶ Например: Никишина С.А. Аббревиатуры: генезис... // Вестник Нижегородского ун-та, 2011. №4.

речь? Возможно ли это? При этом трудно представить, чтобы было возможно описать ВСЕ такие словосочетания.

4. На с. 86–87 вводится понятие о грамматических синонимах со ссылкой на работы Е.И. Шендельс, работавшей на материале немецкого языка. Есть исследования на сей счет и на материале русского языка (М.А. Шелякин, В.П. Сухотин и др.). Все-таки хотелось бы неких уточнений, опять же – с учетом цели диссертации – описать все возможные словосочетания как исходные семантические (прежде всего) структуры. Тем более что тут же появляется понятие «концептуальное тождество» (с. 87).

5. Ряд замечаний технического свойства также возник. Во-первых, непривычна дробная позаголовочная сегментация введения на целых 13 подпунктов. Это несколько сбивает с восприятия введения как целого и придает этому важному компоненту всякой аттестационной работы анкетный формат. Во-вторых, есть в разных частях диссертации почти дословные повторы одних и тех же тезисов, чувствуются швы некогда бывших самостоятельными текстами статей нашего диссертанта. В-третьих, очень неудобна цитация (по номерам в списке литературы, к которой приходится всякий раз отдельно обращаться), непонятны в этой связи концевые сноски (например, на с. 36), где их искать. На с. 19 – видимо – опечатка при описании словаря сокращений Алексеева: «особенности произношения (ВЭС [вэс] ветроэлектростанция» (выделено мной – Т.С.).

Стиль работы мне понравился: живое, профессиональное, видимо, давно освоенное Андреем Игоревичем индивидуальное научное слово – это на сегодня уже редкость. Заметна неподдельная заинтересованность диссертанта в своей теме, в которую он глубоко и результативно погружен. Апробация работы в виде ряда очень серьезных статей в авторитетных журналах – ясное тому свидетельство.

Таким образом, с удовлетворением констатирую, что диссертация **Андрея Игоревича Бровца** на тему: «**Дешифровальные стимулы как средство формирования эквивалентностных отношений**

сложносокращённого слова» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Андрей Игоревич Бровец** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Председатель диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

20 сентября 2024 г.